

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИВЪВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 24.

15-го Декабря

1874 года

Содержаніе.—О значеніи чувствъ и чувствительной способности вообще въ отношеніи къ религіи христіанской.—О невозможности служить двумъ господодамъ и упованіи на промысль Божій.—Нагорная проповѣдь (продолженіе).—Замѣтка о молитвѣ въ причащеніе гроздіи въ 6 день августа.—Объявленія объ изданіи Постоянной комиссіи и журналовъ и газетъ.

О ЗНАЧЕНІИ ЧУВСТВЪ И ЧУВСТВОВАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ВООБЩЕ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РЕЛИГІИ ХРИСТІАНСКОЙ.

Не дивитесь, почтенные любители духовныхъ бесѣдъ, что я начну бесѣду съ вами похвалою той части природы нашей, которую въ древности считали враждебною намъ и потому многие ревнители праведности считали необходимымъ всячески ограничивать и подавлять, которую и св. Писаніе представляетъ намъ съ выгодной стороны, какъ врага нашего спасенія, — не дивитесь, что начну хвалить наши чувства и чувствительную способность нашу вообще.

Да и какъ не хвалить намъ ее, когда она есть драгоценный даръ Божій,—когда безъ нея мы и не знали бы обитаемаго нами и красующагося надъ нами міра вещественнаго и не могли бы имѣть никакого понятія о его свойствахъ и произведеніяхъ, столь необходимыхъ для нашего временнаго существованія и столь много и пріятно питающихъ и услаждающихъ не только наше тѣло, но и душу,—какъ не хвалить того, чѣмъ, можно сказать, красится земная жизнь наша?

Премудрость Божія такъ устроила тѣлесный организмъ нашъ, что малыми чувствами его мы обнимаемъ весь вещественный міръ со всѣми его свойствами и произведеніями; а благость Божія такъ приспособила и въ такую гармонию съ міромъ вещественнымъ поставила эти чувства наши, что мы, усвоивъ отъ него необходимое и полезное намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ многія и разнообразнѣйшія удовольствія, радости и наслажденія. Это бываетъ уже въ низшихъ, болѣе грубыхъ чувствахъ нашихъ—вкусъ, обонаніе, осязаніе и ощеніе, а въ высшихъ—слухъ и зрѣніе—несравненно болѣе.

Вкусъ Богъ далъ намъ для того, чтобы мы, утоляя голодъ и жажду, могли различать въ пищѣ и питіи полезное отъ вреднаго. Но, выполняя этотъ долгъ природы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ и наслаждаемся пищею и питіемъ, и эти наслажденія такъ пріятны и привлекательны, что многіе какъ бы для того только и живутъ, чтобы предаваться этимъ наслажденіямъ. Не даромъ усвоенъ имъ и титулъ гастрономовъ.

Обонаніе доставляетъ намъ ту пользу, что мы, при посредствѣ его, можемъ чувствовать присутствіе вредныхъ газовъ и испареній и такимъ образомъ избѣгать вреда отъ нихъ, напр: угара и т. п. А сколько удовольствій можетъ доставлять намъ это чувство! И при томъ такихъ, которыя могутъ быть чистыми и безгрѣшными, потому что благоухаетъ въ природѣ только то, что есть въ ней лучшаго и совершеннѣйшаго. Необинуясь можно сказать, что благоуханіе въ природѣ есть какъ бы вещественное отраженіе и проявленіе благости, святости и любви Божіей, тѣмъ болѣе, что благоуханіе проявляется и въ мірѣ нравственномъ, тамъ, гдѣ явно дѣйствуетъ благодать Божія, напр: въ мощахъ св. Угодниковъ Божіихъ, открыто и торжественно прославляемыхъ Богомъ. Повѣствуется, напр. въ житіи св. Алексѣя—человѣка Божія, что когда печально почилъ этотъ Угодникъ Божій, то весь городъ наполнилъ былъ благоуханіемъ. Потому то и св. церковь наша не находитъ лучшаго дара Господу Богу при богослуженіяхъ и при самомъ

совершении святѣйшей жертвы безкровной, какъ благоуханіе каддила. Сего-то чуднаго созданія Вожія—благоуханія—мы дѣлаемся причастниками посредствомъ чувства обонянія.

О пріятностяхъ чувства осязанія и ощущенія весьма хорошо знаютъ тѣ, которые покоятся на мягкихъ постеляхъ и одѣваются въ мягкія одежды. Они знаютъ, что неодинаковое бываетъ ощущеніе въ тѣлѣ, когда надѣнешь на себя жесткую одежду изъ грубой шерсти, или мягкой шелкъ и бархатъ, когда уложишь утомленные члены свои на твердыхъ и холодныхъ камняхъ или голыхъ доскахъ, или же на мягкихъ и теплыхъ пуховикахъ. А люди практическіе опытомъ дознаютъ, какъ много пользы доставляютъ чувства осязанія и ощущенія, когда встрѣчается невозможность отличить одинъ предметъ отъ другаго чѣмъ либо другимъ, какъ только ихъ гладкостію или шероховатостію, теплотою или холодностію, сухостію или влажностію и проч. Но всего болѣе знакома польза осязанія тѣмъ несчастнымъ, которые лишены зрѣнія. Осязаніе спасаетъ ихъ отъ ушибовъ и поврежденій, отъ ошибокъ въ принятіи одной вещи за другую; осязаніе и путь указываетъ имъ, и преграды, встрѣчающіяся на пути, и даже способствуетъ распознаванію одного человѣка отъ другаго.

Чтоже касается высшихъ, такъ называемыхъ, благородныхъ чувствъ, зрѣнія и слуха, то нѣтъ надобности доказывать пользу и удовольствія, ими доставляемая намъ. Каждый изъ насъ знаетъ, что безъ чувства зрѣнія мы лишены были бы возвышеннѣйшаго и неизчерпаемаго удовольствія созерцать чудеса премудрости и благости Божіей, столь изобильно разсѣянная на землѣ и на небѣ. А пользы и удобства отъ чувства зрѣнія и изчислить трудно. Что для ума истина, то для тѣла видѣніе. Какъ безъ свѣта истины умъ, такъ безъ свѣта вещественнаго тѣлесный организмъ нашъ были бы жалки и ни къ чему неспособны. Тогда мы не знали бы ни искусствъ, ни художествъ, ни самыхъ даже обыденныхъ работъ, потребныхъ для временнаго существованія нашего на землѣ. Кто могъ бы въ потемкахъ приготовить намъ пищу, соорудить жилище, пошить одѣяніе и обувь, и сдѣлать премногое другое, что необходимо для нашей жизни, ея удобствъ и безопасности?

Не менѣе богато пользою и удовольствіями для насъ и чувство слуха. Часто одинъ слухъ спасаетъ человѣка отъ близкой или далекой опасности; часто одинъ слухъ колокола или лая собакъ доводитъ его, застигнутаго страшною вьюгою, до жилища человѣческаго и тѣмъ спасаетъ его отъ неминуемой смерти въ сугробахъ снѣга. Безъ слуха не существовали бы для насъ ни удовольствія

бесѣды съ подобными намъ, ни пріятности гармоніи звуковъ въ природѣ, ни искусственное сочетаніе тоновъ и звуковъ музыки и пѣнія.

Но особенно драгоценны для насъ чувства зрѣнія и слуха тѣмъ, что, шевеля душу и сердце созерцаемыми и ощущаемыми посредствомъ ихъ красотами, пріятностями и благозвучіями природы и искусства, пробуждаютъ и раскрываютъ въ насъ прирожденное намъ чувство изящнаго, иначе называемое чувствомъ эстетическимъ. Оно то возноситъ человека выше всѣхъ существъ земнородныхъ, способныхъ чувствовать пріятности и веселія земныя. Известно, что и все животныя, хотя въ низшей степенн, способны ощущать пріятности природы и искусства. Лошадь, напр. при звукахъ музыки играетъ и пляшетъ подъ сѣдокомъ своимъ; все животныя оживляются, когда проходитъ суровость зimy и настаетъ весна съ теплотою и убранствомъ своимъ; птицы не парадуются появленію этого богатнаго времени года и веселыми пѣснями своими, покажется, стараются превзойти одна другую. Но чувство изящнаго, возбуждающее въ душѣ нашей сознательный восторгъ и умиленіе при видѣ предметовъ изящныхъ, свойно одному человеку. Оно то научаетъ людей заботиться объ украшеніи, чистотѣ и опрятности своихъ жилищъ, всего потребнаго для жизни и дѣятельности и всего окружающаго ихъ и относящагося къ нимъ. Оно то внушаетъ намъ идеалы изящнаго и побуждаетъ осуществлять эти идеалы въ действительности; подъ его внушеніемъ и руководствомъ переиспытывая все роды и степенн изящнаго, мы неудовольствуемся вполне ни однимъ изъ нихъ, а стремимся все къ лучшему и совершеннѣйшему, до невмѣстимаго въ формахъ его изящнаго безпредѣльнаго.

Такимъ-то богатствомъ одарилъ Всещедры Творецъ низшую — чувствительную природу нашу! Но не здѣсь еще предѣлъ высокаго значенія и достоинства ея; сама религія божественная за сѣваетъ свои небесныя сѣмена и возвращаетъ богатные плоды своимъ преимущественно на почвѣ ея. Что есть святѣйшаго, благоплоднѣйшаго и наиболее сближающаго и сродняющаго человека съ существомъ Божиимъ, — все это вкореняется, растетъ и созрѣваетъ въ чувствахъ и чрезъ чувство. По ученію свящ. Писанія самое начало премудрости (Сир. 1, 15.) о Господѣ есть чувство страха Божія, страха сыновнаго состоящаго въ благоговѣйномъ опасеніи оскорбить всеблагаго Отца небеснаго неисполненіемъ святой воли его. Вѣра въ Бога усваивается не уму и разсудку, а сердцу: (Рим. 10, 9.) *сердцемъ вѣруется въ правду*, говор. Ап. Спаситель, для возбужденія въ насъ вѣры въ Бога и упованія на

его святой промыслъ, обращается къ внѣшнымъ нашимъ чувствамъ, когда говоритъ: не печетесь душою вашею, что ясте, или что имете. Воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. И одеждѣ что печетесь; смотрите крѣнь белыя ихъ, како растутъ: ни труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ яко ни Соломонъ во всей славы своей облечеса, яко единъ отъ сихъ.

Мат. 6, 25—30. Сердце наше такъ дорого Господу Богу, что онъ какъ нѣжный Отецъ, потерявшій любимыхъ чадъ своихъ жалуется во услышаніе всего міра: *людіе сіи устнама своима чтуть мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене.* Мат. 15, 8. Посему то псалмопѣвецъ такъ горячо молитъ Бога о дарованіи ему чистоты сердечной: (Пс. 50, 12.) *сердце чисто созижди во мнѣ Боже.* И Спаситель ублажаетъ не гениальныя умы, а чистоту сердца: *блаженни чисти сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ* (Мат. 5, 8.) И точное исполненіе заповѣдей Божіихъ возлагается не на умъ и разсудокъ, а на чувство любви: *возлюбиши Господа Бога твоего всемъ сердцемъ твоимъ, — возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе.* Наконецъ самое тѣсное сближеніе и сродненіе существа человеческого съ существомъ Божіимъ, самое обожденіе человека можетъ совершаться только въ чувствѣ и чрезъ чувство: *Иже любитъ мя, гов. Спаситель, заповѣди моя соблюдетъ; тѣмъ Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему приидемъ, и обитель у него сотворимъ. Не отсте ли, говор. Апостоль, яко тѣлеса, о ваша арияхъ живущаю оз васъ Духа святаго суть.*

Такую то важность и такое великое значеніе, въ отношеніи къ религіи христіанской, имѣетъ чувствовательная природа наша и самое тѣло, ее заключающее въ себѣ и въ совокупности съ нею называющееся чувственностію. И къ этой-то живой и постоянно дѣйствующей сторонѣ природы нашей такъ неблагоклонно относились и относятся ревнители благочестія христіанскаго. Иные на многіе годы зарывали въ землю все тѣло свое по самымъ перси, какъ напр: преподобный Іоаннъ многострадальный печерскій; другіе стѣсняли и отягощали тѣло свое веригами желѣзными и власнищами жесткими; одни изнуряли его строгимъ постомъ, доходившимъ до голода и жажды, какъ напр: древніе святыя подвижники христіанскіе, цусытники, затворники, столпники, — какъ и самъ Спаситель, постившійся сорокъ дней въ пустынь; иные: даже лишали себя нѣкоторыхъ членовъ тѣлесныхъ, какъ напр: знаменитый Оригенъ. Для чего и почему все это дѣлалось, да и теперь, безъ сомнѣнія, втайнѣ дѣлается многими? Весьма удовлетворительно отвѣчаетъ на это св. Григорій Богословъ такими словами: «Люблю тебя, плоть моя, какъ друга и сожителя, и опасуюсь, какъ врага.

«Когда даю тебѣ послабу, ты поработаешь духъ мой, а когда «стѣсняю и изнуряю тебя, отказываешься служить ему». Вотъ что заставляло и заставляетъ подвижниковъ благочестія христіанскаго, прежде всего ищущихъ царствія Божія и правды его, различнымъ образомъ укрощать и обуздывать плоть свою: чтобы съ нею вмѣстѣ подавить и коренящуюся въ ней удобопреклонную къ сея угожденію чувствительную способность.

Было счастливое время, когда человѣку не было надобности стѣснить и изнурять свою плоть, опасаться и обуздывать ея чувства и чувствованія, — когда эта, теперь буйная, плоть была тиха и покорна духу и находилась, со всѣми чувствами и чувствованіями своими, въ полномъ согласіи и не нарушимой гармоніи съ нимъ. Но это счастливое время осталось для насъ только преданіемъ; оно было только для первосозданныхъ людей въ раю, пока они находились въ невинномъ состояніи. Тогда чувства ихъ и видѣли и слышали, и обоняли и осязали въ мірѣ вещественномъ только славу и величіе, премудрость и благость Творца, И эти счастливые первенцы рода человѣческаго, наслаждаясь и увеселяясь благами міра, его красотою и совершенствами, ничего болѣе не чувствовали и не сознавали въ душѣ и сердцѣ, какъ только благодарность и умиленіе, любовь и благоговѣніе къ даровавшему все это. Когда же они пали и грѣхъ охватилъ все существо человѣческое, тогда столь ярко сіяющія въ мірѣ благость и премудрость, слава и величіе Творца стали какъ бы завѣсою какою закрываться отъ ихъ чувствъ, а на первомъ планѣ вездѣ и во всемъ стали выставляться для нихъ похоть очесъ, похоть плотская и гордость житейская. И эта самоистканная человѣкомъ завѣса съ теченіемъ времени сдѣлалась такъ не проницаемою, что стала закрывать не только отъ внѣшнихъ чувствъ, но и отъ умственного зора его самаго Творца вселенной. Кто еще не взонелъ наверхъ совершенства христіанскаго и не стяжалъ безукоризненной чистоты сердца (а многіе ли въ этомъ успѣли?!), тотъ спроси самаго себя безпристрастно, какія мысли и чувствованія раждаются въ тебѣ при видѣ предмета съ большими или меньшими совершенствами, или потому общающаго особенныя пріятности, выгоды и удовольствія? Безъ всякаго сомнѣнія, эти-то пріятности, выгоды и удовольствія прежде всего и представятся и чувствамъ, и сознанию, и желанію моему; а слава и премудрость Создавшего этотъ предметъ не вылетятъ на сердце, и на память не впадетъ тебѣ, напр. Апостолъ Павелъ учить: *еще ясте, еще ли нѣте, еще ино что творите, оная во славу Божію творите*. Потому и церковь наша внушаетъ намъ это правило, и въ школахъ учатъ насъ: предъ вкушеніемъ пищи испросить благословенія Божія, и по насыщеніи возблагодари.

дарить Господа за дарованныя Имъ блага. Но у нѣкоторыхъ считается это не въ тонѣ хорошаго общества; особенно на великосвѣтскихъ балахъ, гдѣ все бываетъ съ особеннымъ изяществомъ и въ полномъ изобиліи, осмѣяли бы того, кто вздумалъ бы во всеуслышаніе читать молитву предъ вкушеніемъ пищи за параднымъ столомъ и по насыщеніи пищею и питіемъ. А сколько зла происходитъ для насъ отъ того, что подъ вліяніемъ чувственности, рано или поздно, вырабатывается въ насъ какая либо господствующая страсть, какое либо преимущественное влеченіе къ такому или другому роду занятій, къ такимъ или другимъ чувственнымъ увеселеніямъ и наслажденіямъ! Эти господствующія страсти и влеченія на все встрѣчающееся набрасываютъ особенный свойственный имъ козоритъ, такъ что все прочее въ предметъ остается незамѣтнымъ и непривлекательнымъ. Корыстолюбецъ, напр., изъ всего, что ни становится въ отношеніе и соприкосновеніе съ нимъ, умѣетъ только извлекать свою корысть, ко всему же прочему онъ и глухъ и слѣпъ. Слостолюбецъ тогда только и дѣятеленъ и старателенъ, когда плодомъ его дѣятельности бываетъ удовлетвореніе господствующей въ немъ страсти. Но особенно не прощадимы мракомъ сгустилась сотканная грѣхомъ завѣса для размножившихся въ наше время нигилистовъ и нигилистовъ и другимъ бреднямъ вольнодумства преданныхъ. Они вовсе уже не усматриваютъ не только въ вещественномъ, но и въ духовномъ мірѣ слѣдовъ премудрости и благости Творца вселенной; для нихъ все — произвольный слѣпой, не разумный, безсознательный случай, или же неизвѣстно откуда произшедшее круговращеніе и столкновеніе неизвѣстно гдѣ взявшихся силъ и движеній. Что все, по нашему простому разумію будетъ значить, что міръ самъ себя произвелъ и самъ собою образовался такъ, какъ онъ есть.

Такъ-то силенъ грѣхъ на разстройство и искаженіе всего, на затмѣніе и погашеніе послѣдней искры Богоподобныхъ даровъ духа нашего, на ослѣпленіе и заглушеніе нашихъ чувствъ. На сіе-то ослѣпленіе указываетъ премудрый, когда восклицаетъ:

суетни вси чловѣци естественни, въ нихъ же обрѣтается невидѣніе о Богѣ, и отъ видимыхъ благъ не возможна разумити сущаго, ни долгомъ вземлюще познаша житреца.

Прем. Сол. 13, 1.

Казалось бы, что чувство изящнаго, способно только настраивать духъ нашъ и самыя чувства вліянія на сознательное усмотрѣніе величія и совершенства творенія и Творца его. Ибо

одни уже слова: *изящное и прекрасное*—какъ-то живѣе заставляютъ биться сердце и пробуждаютъ вниманіе наше. А предоставь намъ въ собственность что либо дѣйствительно изящное, напр: домъ, внутри и виѣ съ самымъ утонченнымъ вкусомъ устроенный и украшенный, окруженный, какъ только можно вообразить, прекрасными садами—съ прудами, озерами, гротами, павильонами и всевозможными, естественными и искусственными, увеселеніями и удобствами, —одѣнь насъ въ самыя лучшія, взоръ и сердце плѣняющія, одежды и разныя, вкусъ улаждающія, убранства; не правда ли, что это восхитило бы насъ и мы не могли бы парадоваться бытію своему? Но увеличилось ли бы отъ этого наше благочестіе? Возрасла ли бы наша любовь и благоговѣніе къ Творцу и подателю всяческихъ? Сдѣлались ли бы мы тогда добрѣе, милосерднѣе и сострадательнѣе къ ближнимъ нашимъ, изящно и неизящно живущимъ? очистилось ли бы тогда наше сердце отъ гордости, самолюбія, самоиѣнія и чувственныхъ пороковъ? Къ несчастію, опытъ не подтверждаетъ этого. Какъ будто наперекоръ тому, какъ что должно быть, такіе-то счастливыя скорбе всѣхъ и охладѣваютъ ко всему тому, что требуется небеснымъ ученіемъ Христовымъ и святою церковію. Изящное привлекательно для всѣхъ; а у кого оно въ изобиліи, тотъ всѣми силами души погружается въ немъ, ко всему же прочему дѣлается равнодушнымъ и невнимательнымъ. Да это и естественно. Кто вкусилъ лучшаго, тому уже не по вкусу будетъ посредственность. Бѣднѣе доведенъ бываетъ и простою пищею, и одеждою грубою, и жилищемъ неварачнымъ; но предоставьте ему на нѣкоторое время, а особенно на время продолжительное, содержаніе роскошное, въ лучшемъ вкусѣ,—послѣ этого онъ будетъ уже тяготиться прежнимъ родомъ жизни и прежнимъ содержаніемъ. Изящное есть уже роскошь для души и сердца; а между тѣмъ оно способно располагать человѣка, въ состояніи поврежденія его сдѣлавшагося плотскимъ, болѣе къ земному, временному, нежели къ небесному, вѣчному. Въ грѣховномъ состояніи своемъ склонный къ чувственному человѣкъ естественно влечется къ тому роду изящнаго, которое доступно намъ только въ видѣ вещественномъ, облечено въ форму видимую, слышимую, осязаемую—вообще доступно нашимъ чувствамъ. А въ этомъ чувственномъ изяществѣ тоже вещество, которое и въ грубомъ видѣ часто перабощаетъ нашу чувственность, является предъ нами въ видѣ улучшенномъ, усовершенствованномъ и потому болѣе привлекательномъ. Потому-то кто не имѣлъ счастья съ малолѣтства напитать душу и сердце чувствомъ религиознымъ, правилами вѣры Христовой, тотъ, утопая въ сладостяхъ изящества, можетъ навсегда и невозвратно погрязнуть въ чувственности, такъ сказать, оземленился всѣмъ существомъ своимъ. Кромѣ того, обладая изяществомъ и окруженный имъ,

человѣкъ не можетъ не сознавать своего превосходства предъ тѣми, которые живутъ неизячно. А такое сознание близко граничитъ съ снволюбіемъ, самопревозношеніемъ и гордостью.

Правда, что чувство изящнаго облагораживаетъ человѣка, дѣлаетъ его чувствительнымъ ко всякому неприличію, неопрятности и грубости въ жизни и поступкахъ; но это, безъ участія и вліянія чувства религіознаго, производитъ только наружный лоскъ, вырабатываетъ только, такъ называемаго, любезнаго свѣтскаго человѣка, который устыдится малѣйшей погрѣшности въ обхожденіи съ людьми хорошаго тона, но нисколько не устыдится того безобразія, какое происходитъ въ его душѣ и сердцѣ, того разногласія съ исповѣдуемою имъ вѣрою, которое крупными знаками печатлѣтся на всей внутренней и внѣшней жизни его. Но утонченно сти своего вкуса онъ бываетъ прозорливъ и брезгливъ къ грязной, лохмотьями покрытой бѣдности, къ запачканному трудолюбію, и потому неспособенъ къ тѣмъ высокимъ добродѣтелямъ, какихъ требуетъ христіанское ученіе: чтобы омыть раны больнаго, напоить и напоить жаждущаго и алчущаго бѣдняка изъ раззолоченной чаши своей, усладить братскою, назидательною бесѣдою въ отчаяніе приходящаго полунагаго нищаго. Какъ послѣ этого понятны слова Спасителя: *удобше вельбуду сквозъ иллыны уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити*, особенно богатому, изячно живущему.

Есть родъ изящнаго, который называется изящнымъ высокоемъ. Казалось бы, этого рода изящное должно устремлять духъ и сердце человѣка къ одному вышечувственному, небесному. Но что же представляеть намъ опытъ!! Грекамъ—язычникамъ оно внушило понятіе о богахъ и богиняхъ, правда, съ изящными формами, но за то со всѣми человѣческими пороками, только въ высшихъ и обширѣйшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ обыкновенныхъ смертныхъ. У Магометанъ оно осуществилось въ уродливомъ идеалѣ рая, наполненнаго чувственными предметами и одними чувственными удовольствіями. Въ позднѣйшее время, у народовъ христіанскихъ, этотъ родъ изящнаго подарилъ намъ драмою и трагедіей, въ которыхъ изображаются страсти человѣческія въ самомъ напряженномъ видѣ, въ самомъ широкомъ развитіи, въ самомъ раздузданномъ ихъ состояніи. И при изведеніи этого рода изящнаго доселѣ увеселяютъ христіанъ и до того увлекаютъ многихъ изъ нихъ, что они, колеблясь, предпочтутъ зрѣлище этихъ представленій богослуженію церковному.

Такимъ образомъ и высшій родъ изящнаго произвелъ въ родѣ человѣческомъ только земное, чувственное, и ничего чисто духовнаго, небеснаго. Не дивно видѣть это у язычниковъ и магометанъ; но крайне удивительно то, что тоже повторилось и у христіанъ,

которымъ ученіе вѣры Христовой такъ много представляетъ идеаловъ самаго высокаго, чисто духовнаго и изнѣстнаго, по которымъ однако не усвоятся ими такъ живо и охотно, какъ идеалы земнаго, овеществнаго. Отъ чего бы это? Не отъ чего другаго, какъ только отъ того, что *душевенъ человекъ не пріемлетъ яже дуга Божія: I Кор. 2, 14—16. Юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовны востязуется, — что живущи по плоти, только плотская мудрствуютъ, и что мудрованіе плотское, вражда на Бога: Рим. 5, 6. закону бо Божию непокаряется, ни же бо можетъ, — что ветхій человекъ во многихъ христіанахъ не распялся со Христомъ и потому не упразднилось въ нихъ тѣло грѣховное, (Рим. 6, 6.)* которое и побуждаетъ ихъ *работати грѣху*, — наконецъ отъ того, что у всѣхъ народовъ христіанскихъ съ давняго времени самая литература, какъ усѣннѣйшій проводникъ въ массы народа такого или другаго характера и направленія понятій, мыслей и чувствованій, раздѣляется на *духовную* и *свѣтскую*, какъ бы въ доказательство того, что ветхій нашъ человекъ не можетъ дѣйствовать заодно съ человекомъ обновленнымъ всеумудряющею и всеосвящающею благодатію Божіею, — и что свѣтская литература рѣшительно завладела всею читающею публикою. Чѣмъ же она напиываетъ читателей и читательницъ своихъ? Романами и повѣстями, которые исключительно одни читаются многими отъ юности и до старости, а св. Писаніе во всю ихъ жизнь и въ руки не берется ими. Можетъ ли же на такомъ чтеніи образоваться хорошій христіанинъ, когда этими произведеніями только раздражается и преждевременно развивается чувственность, и безъ того падаетъ на плотскія прельщенія? Удивительно ли послѣ этого, что чувственная и чувствительная природа наша болѣе, а иногда и исключительно тяготеетъ къ плотскому и часто бываетъ вовсе не расположена ни къ чему духовному? Утверждайте же послѣ этого, вольнодумцы, что человекъ, безъ возрожденія заслугами испушителя нашего, Господа Иисуса Христа, безъ даровъ благодати Его можетъ въ чемъ либо достигнуть совершенства, истиннаго, богоудснаго совершенства. Нѣтъ! пока не будетъ у христіанъ все по—христіански, и въ жизни домашней и общественной, и въ занятіяхъ житейскихъ, и въ чтеніи книгъ, и въ роздыхахъ отъ трудовъ, и въ прогулкахъ для развлеченія и освѣженія себя отъ жизни сидачей—трудоной, — до тѣхъ поръ чувственная природа наша будетъ оземлять и чувства и чувствованія наши будутъ преобладать надъ духомъ и всѣ силы его наклонять къ тому только, чего требуетъ ненасытная плоть наша.

(Продолженіе будетъ).

О НЕВОЗМОЖНОСТИ СЛУЖИТЬ ДВУМЪ ГОСПОДАМЪ И УПОВАНИИ НА ПРОМЫСЛЪ БОЖІЙ.

Иисусъ Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ: никто не можетъ служить двумъ господамъ; ибо или одного будетъ онъ ненавидѣть, а другаго любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Мате. VI. 24.

Это правило составляетъ важѣйшую часть нашей религіи и тѣмъ болѣе поражаетъ насъ удивленіемъ, чѣмъ внимательнѣе мы изучаемъ его. Богъ требуетъ отъ насъ исключительнаго служенія Ему: — такая заповѣдь изумляетъ разумъ. Не позволяетъ ли наша религія служить каждому человеку? Неужели служеніе Богу требуетъ отъ насъ уклоненія отъ всякой другой зависимости, совершеннаго расторгенія связи съ обществомъ, для исключительнаго общенія съ Нимъ?

Безъ сомнѣнія, нѣтъ! Смотрѣніе Промысла Божія, поставившаго насъ въ мірѣ, состоитъ въ томъ, чтобъ мы жили съ людьми. Совершенное разобщеніе съ міромъ составляетъ преимущественную благодать, чрезвычайное призваніе, а не общее назначеніе; путь, которымъ идутъ немногіе, а не для всѣхъ обязательный; исключеніе, а не законъ. Человѣкъ сотворенъ для общественной жизни; цѣль эта ощущается въ самомъ сознаніи его, въ стремленіи сердца къ своимъ ближнимъ; и религія не только не препятствуетъ этому, но еще укрѣпляетъ и освящаетъ это естественное чувство. Она скрѣпляетъ всѣ узы, соединяющія человечество между собой, и связью виѣшнею — общественнымъ поклоненіемъ Богу, и связью внутреннею — взаимною любовію. Если же Провидѣніе повелѣваетъ намъ жить въ обществѣ, то, этимъ самымъ излагаетъ на насъ выполненіе нашихъ обязанностей относительно общества. А такъ какъ общество только и можетъ поддерживаться подчиненіемъ выснимъ законамъ, значитъ это подчиненіе и составляетъ существенную часть божественныхъ заповѣдей. Если бы мы не читали въ Св. Писаніи повелѣнія о повинновеніи земнымъ властямъ, тогда мы могли бы еще сомнѣваться въ установленіи ихъ отъ Бога; но послушаемъ этотъ св. законъ, требующій отъ насъ исполненія его предписаній: *жены, повинуйтесь мужьямъ своимъ, какъ прилично въ Господь. (Колос. III. 18). Дети, будьте послушны родителямъ своимъ во всемъ; ибо сіе благоугодно Господу. (Тамъ же 20). Рабы, во всемъ повинуйтесь господамъ вашимъ по плоти, не въ глазахъ только слуга имъ, какъ челоукоугодники, но*

въ простотѣ сердца, боясь Бога. (Тамъ же. 22). Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и совѣсти. (Римл. XIII. 1. 5). Такимъ образомъ, покорность земнымъ властямъ не только не противорѣчитъ исключительно службѣ Богу, какъ главной нашей обязанности, но составляетъ ее существенную часть. Слѣдовательно, повинаясь повелѣнью властей, мы не нарушаемъ законъ Божій, но исполняемъ его. Какъ вѣнчъ, повинаясь поставленнымъ надъ нами начальникамъ, служить своему Государю; такъ и христіанинъ, подчиняясь земнымъ властямъ, служитъ своему Господу.

Объясняя эту заповѣдь, какъ служеніе Богу въ лицѣ нашихъ ближнихъ, рассмотримъ ее, какъ непосредственное, исключительное служеніе Ему. Она указываетъ намъ двѣ главныя обязанности: *первую*, чтобъ служеніе Богу было нашимъ первымъ и главнымъ предметомъ; чтобъ всѣ прочія служенія были подчинены ему, съ готовностію, въ случаѣ необходимости, принести ему всѣ возможные жертвы. *Вторую*, чтобъ подчиненіе всѣхъ прочихъ служеній главному служенію происходило изъ любви къ Богу и желанія угождать Ему. Богъ есть нашъ первый Владыка, — слѣдовательно, служеніе Ему составляетъ нашу первую обязанность. Богъ, собственно говоря, есть нашъ единственный Господь, — слѣдовательно, всѣ прочія служенія должны имѣть своимъ началомъ, дѣлю и побудительною причиною служеніе Ему. Раскроемъ эти двѣ существенныя истины.

Не нужно вдаваться въ слишкомъ глубокія размышленія для уразумѣнія того, что, для соблюденія нашего самаго драгоценнаго интереса, состоящаго въ угожденіи Богу, нашею главною заботою должно быть повиновеніе Ему. Но гораздо болѣе усилій требуется со стороны добродѣтели для пракческаго выполненія всѣхъ частныхъ видовъ этого общаго правила. Конечно, только тотъ, кто совершенно отвергъ всю религію, осмѣлится сказать: *не увидитъ Господь, и не узнаетъ Богъ Иаковлевъ моихъ дѣлъ*. (Ис. ХСIII. 7). Но у большей части людей, и не оставляющихъ ибръ церкви распространено заблужденіе о возможности сочетать служеніе Богу съ служеніемъ міру. Нерѣдко встрѣчаются даже такія личности, которыя, имѣя притязаніе на правильный образъ жизни, но ограничиваясь только вѣнчностью, воображаютъ объ исполненіи своихъ обязанностей къ Богу, о внутреннемъ общеніи съ Нимъ наслаждаясь, въ тоже время, всѣми удовольствіями міра. То погруженные въ богомысліе, то разбѣланные, они безпрерывно мѣ-

пяютъ св. мѣста на увеселительныя зрѣлища, релігіозное чтеніе на безполезныя книги. Благочестивые или беззвѣрные, судя по мѣсту гдѣ находятся, они тѣми же устами читаютъ молитвы въ церкви и произносятъ вольныя рѣчи въ кругу общества. Сострадательныя или немилостивыя, смотря по личности, требующей помощи, они, съ одной стороны, разсыпаютъ благодѣянія, а съ другой— злословіе. И такимъ образомъ, желая угодить Богу, они стараются исполнить то, что почитаютъ необходимымъ для соблюденія Его заповѣди и, въ тоже время, стараясь приобрести въ мірѣ репутацію снисходительной добродѣтели, они дѣлаютъ то, что правится міру. Какъ часто мы видимъ подобнаго рода благочестіе! И даже не говоря о нашихъ ближнихъ, сколько подобныхъ упрековъ можемъ мы сдѣлать сами себѣ! Не преобладаетъ-ли въ насъ стремленіе къ удовольствіямъ предъ влеченіемъ благодати; желаніе казаться любезными въ свѣтѣ, предъ желаніемъ угодить Богу; страхъ осужденія людскаго предъ страхомъ суда небеснаго?

Это—нагубное расположеніе нашего сердца поражаетъ І. Хр. словами: *никто не можетъ служить двумъ господамъ*; и вслѣдъ за тѣмъ выставляя причину. Онъ говоритъ о невозможности любить обоихъ вмѣстѣ. Богу угодно только то служеніе, которое приносится изъ любви къ Нему; следовательно наша любовь къ Богу составляетъ главную и существенную часть поклоненія Ему. Какъ невозможно служить Богу безъ любви къ Нему; такъ невозможно любить Его при сопоставленіи Ему другаго предмета нашей любви. Скажемъ болѣе: невозможно любить два предмета одинаково; наше сердце, по самому свойству своему не можетъ сохранять совершеннаго равновѣсія между двумя сильными привязанностями, а потому, вслѣдствіе самой необходимости, оно отдаетъ предпочтеніе одному изъ двухъ предметовъ. Эта истина поражаетъ еще болѣе, если оба предмета, пользующіеся, по нашему мнѣнію, равною степенью нашей любви, составляютъ между собою положительную противоположность. Возможно-ли служить съ одинаковою вѣрностію двумъ господамъ, предписывающимъ несовмѣстныя между собою обязанности? Нѣтъ ничего величійе домогательства—сочетать поведѣнія Божія съ требованіями міра, уравновѣсить самоотверженіе съ скупостію, умерщвленіе плоти съ чувственностію, смиреніе съ тщеславіемъ. Такъ какъ мы можемъ имѣть только одного Бога, то намъ необходимо сдѣлать выборъ между Богомъ, проповѣданнымъ въ Евангеліи и куміромъ міра и тотъ изъ нихъ, кто обладаетъ нашимъ сердцемъ признается дѣйствительно нашимъ Богомъ.

Не будемъ, однако, думать, что намъ запрещена всякая зем-

ная привязанность. Любовь къ ближнему, чувства родства и дружбы положительно повелѣются намъ. Любовь къ твари сама по себѣ нисколько не виновна; она становится виновна тогда, когда колеблеть любовь къ Творцу. Любовь къ Богу должна превышать всякую другую любовь; и здѣсь то, къ несчастію, очень легко обмануться призракомъ любви. По склонности благопріятно судить о себѣ, мы часто почитаемъ равнодушіе къ Богу за горячность любви и сильную привязанность къ міру за слабое чувство и, такимъ образомъ, принимая призракъ за дѣйствительность, не замѣчаемъ злоупотребленій нашего ума и сердца. Впрочемъ, мы имѣемъ два средства, могущія разсѣять это заблужденіе и указать намъ любовь, преобладающую въ насъ. Первое средство—судить о ней по дѣламъ; т. е. если противопоставляются между собою два интереса—удовольствіе Богу или человѣку, на которомъ изъ нихъ останавливается наше рѣшеніе? въ какую сторону влечется наша свобода? Увы, сколько людей, при этомъ тонкомъ разборѣ, должны сознаться въ томъ, что не Богъ занимаетъ главное мѣсто въ ихъ сердцахъ! Второе средство—судить о любви по готовности пожертвовать Богу, по Его требованію, самую нѣжную нашу привязанность. Не всегда встрѣчается необходимость въ подобной жертвѣ на дѣлѣ; но она необходима въ нашемъ произволеніи; если же мы отказываемся осуществить ее на дѣлѣ, значитъ предметы нашей привязанности удерживаютъ насъ, а слѣдовательно и преобладаютъ въ нашемъ сердцѣ надъ любовію къ Богу. По этому-то І. Хр. и говоритъ намъ: *если рука твоя, или нога твоя соблазняютъ тебя, отсѣки ихъ, и брось отъ себя. И если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырзи его и дрось отъ себя.* (Матѣ. XVIII, 9. 7.

Изложенныя нами правила, составляя основаніе нашего общаго служенія Богу и ближнимъ, въ тоже время полагаютъ предѣлы нашей подчиненности земнымъ властямъ. Мы подчинены установленному ими порядку до тѣхъ поръ, пока онъ не противорѣчитъ повелѣніямъ божественнымъ; но, съ той минуты, какъ законы ихъ не согласуются съ закономъ божественнымъ, оканчивается наше повиновеніе имъ. По этому, самый интересъ земныхъ властителей, въ которыхъ мы видимъ представителей Бога небеснаго на землѣ, требуетъ ихъ особенной заботы о томъ, чтобы подчиненные имъ народы повиновались закону Божию, покровительствующему ихъ власти. Тотъ, кто мужественно противится незаконнымъ требованіямъ для сохраненія своей вѣры, этимъ самымъ доказываетъ свою вѣрнодогматическую преданность во всемъ остальномъ; такъ что сопротивленіе его въ этомъ случаѣ, служитъ залогомъ его вѣрности во всѣхъ другихъ. Но чего, напротивъ, можно ожидать отъ того, кто изъ ласкательства или человѣческаго

страха бышился бы оставить свою религію? Пожертвовавъ свою вѣрностію Богу, онъ, безъ сомнѣній, очень близко къ тому, чтобъ пожертвовать своею вѣрностію Государю въ пользу своего личнаго интереса. Разъ познакомившись съ измѣной, остановится ли онъ въ другой, если представится выгодный случай? Итакъ, повинно-венію поданныхъ земнымъ владыкамъ прежде всего основывается на ихъ вѣрности Богу, облакающему властію земныхъ царей. Богъ долженъ быть не только главнымъ предметомъ нашей любви и покорности; но—и побудительною причиною, возбуждающею нашу любовь къ ближнимъ и подчиненіе властямъ, и цѣлю, ради которой мы оказываемъ ихъ; но этому всё другія служенія должны быть не только подчинены Его служенію, но имѣть еще къ нему отношеніе. Это отношеніе состоитъ въ томъ, что мы всё вообще частныя дѣйствія свои должны посвящать Богу и освящать призываніемъ всесвятаго имени Его.

Такое посвященіе должно быть не упражненіемъ непрерывно возобновляемымъ,—но состояніемъ привычнымъ, постояннымъ настроеніемъ нашего духа. Спасительною практикою въ этомъ случаѣ можетъ служить то, чтобъ, въ началѣ дня, посвящать Богу всё наши дѣла.

Не можете служить Бого и маммонъ. (богатству).

Преподавъ общее правило о невозможности служить двумъ господамъ вмѣстѣ, І. Хр. переходитъ къ частному предмету нашего служенія—пристрастію къ богатству. Изъ всѣхъ человѣческихъ привязанностей пристрастіе къ богатству есть самая опасная, потому что, имѣя возможность удовлетворить всѣ страсти, она чрезъ это самое развиваетъ ихъ. Вольнодумецъ, посредствомъ золота умножаетъ свои удовольствія, честолюбецъ—замышляетъ свои интриги, гордецъ—тщеславится своею роскошью, невоздержный—насыщаетъ свою прожорливость. Ревнистое преслѣдованіе богатства свойственно и скунцу и расточительному: первому—по страсти, второму—по необходимости; но, отвлекая того и другаго отъ цѣли, назначенной Провидѣніемъ относительно земныхъ благъ, оно по этому самому дѣлается виновно. И такъ, собирается ли оно для скопленія или расточенія, во всякомъ случаѣ, обращаясь въ главный предметъ, заступаетъ мѣсто Бога въ нашемъ сердцѣ.

Два важныхъ причины должны отвращать насъ отъ этой, не-достойной христіанина, привязанности: *безполезность богатства и его опасность.*

Если, по словам І. Христа только *едино есть на потребу* (Лук. X. 42), то все остальное, не имѣющее къ Нему отношенія, не достойно нашей заботливости. И, въ самомъ дѣлѣ, что остается отъ всѣхъ этихъ благъ, о которыхъ мы такъ воздыхаемъ, послѣ самаго короткаго наслажденія ими? Все, обладаемое нами, мы должны нѣкогда оставить; смерть похититъ его у насъ; какъ говоритъ Св. Писаніе: *нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отиду тамо;* (Іов. I. 21) *ибо умирая не возмемъ ничего; не пойдетъ за нами слава накопленныхъ нами сокровищъ.* (Плач. XLVIII. 18). Безполезно употребляя свои сокровища при жизни, мы, по смерти, неминуемо оставимъ ихъ другимъ. Да и кто изъ насъ можетъ поручиться за обладаніе богатствомъ до самой смерти? Сколько разныхъ случаевъ могутъ каждую минуту отнять ихъ у насъ! При видѣ этого непрерывнаго обращенія богатства, переходящаго изъ рукъ въ руки, котораго всѣ ожидаютъ съ такимъ нетерпѣніемъ, оно, по истинѣ, должно бы опротивѣть намъ. Возможно ли полагать свое счастье въ такомъ невѣрномъ и ненадежномъ наслажденіи, въ постоянствѣ котораго нельзя быть увѣреннымъ ни одной минуты? Единственное богатство, никогда не погибающее, потому что хранится на небѣ—есть добродѣтель. Когда всѣ другія сокровища будутъ ничтожны для насъ, тогда мы найдемъ его въ полномъ собраніи, по слову Господню: *собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкопываютъ, и не крадутъ.* (Мат. VI. 20).

Хорошо бы еще, если бы богатство было только бесполезно; но кто изъ насъ не знаетъ ужаснаго пророчества Спасителя о чрезвычайномъ затрудненіи для богатыхъ достигнуть царствія небеснаго? (Матѣ. XIX. 24). Безъ сомнѣнія, спасеніе богача не только возможно, но даже самое богатство можетъ обратиться для него въ средство спасенія—при настоящемъ употребленіи его. Но то, что недостойно званія христіанина, что положительно осуждаетъ І. Хр.—это пристрастіе къ богатству. Онъ заповѣдуетъ нищету духовную; слѣдовательно, заповѣдь объ удаленіи своего сердца отъ богатства равно относится и къ богатому и къ бѣдному, который можетъ погибнуть чрезъ неумѣренность своихъ желаній. Но если мы знаемъ, что изобиліе можетъ служить средствомъ спасенія; то намъ не безызвѣстно и то, что оно почти всегда служитъ ему препятствіемъ: При обладаніи богатствомъ развлеченія бываютъ разнообразнѣе, случаи ко грѣху—удобнѣе, желанія—пламеннѣе, страсти—воодушевленнѣе, искушенія—сильнѣе, на каждомъ шагу являются и требованія, вовлекающія во грѣхъ, и ласкатель, готовые исцелить ихъ. Испуганный опасностію велико-

дѣнія, со всѣхъ сторонъ окружавшаго его, Соломонъ, еще не поврежденный богатствомъ, проситъ у Бога состоянія посредственнаго: *богатства же и нищеты не даждь ми: устрой же ми потребная и самодовольная: Да не насыщся ложь буду, и реку: кто мя видитъ? или обнищавъ украду, и клянуся именемъ Божиимъ.* (Прим. XXX. 8. 9). Впрочемъ, и богачи не должны отчаяваться въ своемъ спасеніи; но, созерцая святыхъ, получившихъ небо възвѣвъ христіанскаго употребленія своего богатства, и проявляясь спасительнымъ страхомъ, при воспоминаніи объ участи злоупотреблявшихъ имъ богачей, наследовавшихъ адъ, они могутъ подражать первымъ и остерегаться примѣра вторыхъ.

Почему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пшеницы и тѣло одежды? Взгляните на птицъ небесныхъ: они ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевья лиліи, какъ они растутъ? Не трудятся, и не прядутъ. Но я говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славы своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ; кольми паче васъ, милотыри! И такъ не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть, или что пить? или, во что одѣться? Потому что все о этомъ ищутъ язычники; и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ.

Въ этихъ словахъ Бож. Спасителя заключается запрещеніе и повелѣніе. Онъ запрещаетъ чрезмѣрную заботу о временныхъ нуждахъ, и повелѣваетъ уповать на Промыслъ Божій. Намъ необходимо знать истинное значеніе этой заповѣди, какъ относительно запрещенія, такъ—и повелѣнія ея.

Не нужно думать, что запрещеніе І. Хр. простирается и всякую заботу о вещахъ необходимыхъ для жизни. Между существами физическими, составляющими природу и человѣкомъ, сотвореннымъ по образу Божію, одареннымъ разумомъ и свободой—существенная разица. Всѣ эти существа, лишеныя разума, пассивно получаютъ отъ Бога необходимое для существованія, кото-

раго они неспособны доставить себѣ. Онъ поддерживаетъ всѣ роды этихъ существъ по законамъ физическимъ, Имъ установленнымъ и иритоимъ безъ всякаго участія съ ихъ стороны. Но отъ человека Онъ требуетъ его собственнаго содѣйствія для своего сохранения; по этому, соединивъ съ его душой тѣло матеріальное, Онъ далъ ему возможность заботиться о его потребностяхъ за тѣхъ поръ, пока, въ Своей Премудрости, Онъ рѣшилъ освободить его отъ узъ плотскихъ. Онъ уполномочилъ человека владычествомъ надъ всею землею и тѣмъ, что наполняетъ ее, для извлеченія необходимыхъ потребностей жизни, посредствомъ усильнаго и постоянного труда. Слѣдовательно эти заботы не только не противны божественному закону, но ввиду согласуются съ нимъ, какъ средства, входящія въ домостроительство Промысла Божія для нашего сохранения. Исполняя эту обязанность, мы, въ одно и тоже время, и подчиняемся закону, предписывающему ее и покоряемся волѣ Божіей, опредѣлявшей трудъ въ числѣ наказаній, навлеченныхъ на насъ нервороднымъ грѣхомъ.

Но если божественный законъ предписываетъ намъ умѣренную заботу о сохраненіи нашей жизни, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ запрещаетъ заботу безпокойную, тревожное состояніе духа, которое, поглощая все наше время и мысли отвлекаетъ отъ существенной обязанности—заботы о спасеніи. Этому опасному и сильно распространенному пороку, І. Хр. противопоставляетъ упованіе на Промыслъ Божій, которому извѣстны всѣ наши нужды. Въ этомъ упованіи заключаются различныя обязанности.

Первая состоитъ въ сознаніи, что всякое благо, какъ духовное, такъ и вещественное исходитъ отъ Единаго Бога, Который, по своему усмотрѣнію производитъ и росу небесную и плодородіе земли. Слѣдовательно все, обладаемое нами, мы получаемъ отъ Него, какъ говоритъ великій Апостолъ: *что ты имѣешь, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ?* (І Кор. IV. 7).

Изъ правила, о полученіи всякаго блага отъ Бога, вытекаетъ вторая обязанность—употребленіе ихъ согласно съ волей Божіей. Нѣтъ ни одного дара Божія, который не могъ бы служить во славу религіи, для пользы церкви, ко благу вещественному или духовному нашихъ братьевъ. Слѣдовательно, каждый изъ нихъ мы обязаны употреблять согласно съ его назначеніемъ; если же дѣлаемъ изъ нихъ бесполезное употребленіе, или обращаемъ ихъ на предметы посторонніе, въ обоихъ случаяхъ мы равно виновны предъ Богомъ.

Третья обязанность относительно упования на Промыслъ Божій состоитъ въ томъ, чтобы не печалиться о земныхъ благахъ, недостающихъ намъ, не роптать на ихъ лишенія, не завидовать обладающимъ ими. Будемъ утѣшаться надеждою, что состояніе, определенное намъ Верховнымъ Властителемъ судебъ есть самое удобное для нашего спасенія; тогда какъ другое, болѣе низкое или высокое могло бы послужить началомъ нашей гибели, ослѣпивъ насъ богатствомъ и другими соблазнами, воспротивиться которымъ мы не имѣли бы силъ. Богъ, въ совершенствѣ зная наши склонности, натуру и способности сообразно съ ними определялъ наше состояніе. И сколько несчастныхъ, вышедши изъ состоянія, въ которомъ Провидѣніе дало имъ бытіе, погибло чрезъ свое не благо-разуміе!

Наконецъ, четвертая обязанность относительно всеблагаго Провидѣнія, предусматривающаго въ далекомъ будущемъ всѣ наши нужды, состоитъ въ томъ, чтобы не возмущаться о средствахъ вспомоgetельныхъ для нашего существованія, къ этой то обязанности преимущественно относится повелѣніе Бож. Спасителя въ этомъ Евангеліи.

Онъ находитъ естественнымъ постоянное безпокойство невѣрующихъ о пищѣ и одеждѣ, вслѣдствіе того, что они не знаютъ ни безконечной благодати, ни источниковъ Провидѣнія; но послѣдователю Христову хорошо извѣстно о существованіи Всемогущаго Отца на небесахъ, который постоянно печется о немъ. Видя Его заботливость о сохраненіи цѣлаго міра, о насыщеніи птицъ небесныхъ и великолѣпномъ убранствѣ полевыхъ цвѣтовъ, онъ не можетъ сомнѣваться въ особенномъ промышленіи Его о себѣ, какъ предметѣ болѣе драгоценномъ въ очахъ Божіихъ. Находя же въ Евангеліи положительное подтвержденіе этой истины, онъ съ полнымъ упованіемъ вѣряется Промыслу Божію, некущемуся о немъ и, хотя призагаетъ собственную заботу о потребностяхъ жизни, но плода своихъ трудовъ ожидаетъ отъ Единого Бога. И такимъ образомъ, онъ согласуетъ заповѣдь о трудѣ съ упованіемъ на Промыслъ Божій. Трудъ служитъ человѣку средствомъ для полученія отъ Бога необходимыхъ потребностей; по этому, желаніе принимать отъ Него земныя блага безъ труда почитается искушеніемъ Бога, а домогательство пріобрѣсть необходимое безъ Его помощи означаетъ отверженіе Его Промысла о насъ.

Истинный христіанинъ, покорный воля Божіей, заботясь о своемъ существованіи не безпокоится о немъ; получая вознагражденіе своихъ трудовъ, онъ благословляетъ Руку, ниспосылающую

его и оставаясь неудовлетвореннымъ за нихъ, онъ глубоко благоговѣетъ предъ свѣтлѣйшимъ Промысла Божіа, благоразумно разсуждая притомъ, что другое благо, болѣе цѣнное, пріиятствуетъ ему воспользоваться плодами своихъ трудовъ. Возвышаясь надъ временнымъ благополучіемъ, онъ пользуется имъ безъ пристрастія и теряетъ его безъ сожалѣнія, почитая свое лишеніе оборотомъ, посредствомъ котораго меньшее благо замѣняется большимъ. Истинно вѣрующій христіанинъ, внимательный къ дѣлствіямъ божественнаго Промысла, видитъ знакъ особеннаго благоволенія Божіа въ томъ, что невѣрующему кажется жестокою со стороны Бога. И такимъ образомъ, все для него обращается во благо: изъ терпѣній утратъ вещественныхъ, онъ почерпываетъ пользу для души; умалываясь во мнѣніи людей, онъ возвышается въ очахъ Божіихъ.

Ищите же во первыхъ царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ.

Вотъ гдѣ заключеніе всего, сказаннаго Бож. Спасителемъ. Только небесныя блага, составляющія наше истинное богатство, должны быть предметомъ самыхъ дѣятельныхъ нашихъ попеченій, самыхъ пламенныхъ желаній, самыхъ усильныхъ трудовъ. Тогда какъ пріобрѣтеніе всѣхъ другихъ сокровищъ подлежитъ сомнѣнію, это богатство обезпечено, потому что Богъ никогда не отказываетъ въ немъ пламенному искателю его, тогда какъ всѣ другія блага, по необходимости, будутъ ничтожны для насъ, это богатство составитъ наше высшее блаженство. А между тѣмъ, какъ часто нарушается наше нравственное чувство въ пользу интереса. Изыскивая различныя средства для пріобрѣтенія вещественныхъ благъ, могущихъ насъ погубить, мы не только легкомысленно относимся къ небеснымъ благамъ, но едва-ли когда икогда вспоминаемъ о нихъ. Оставимъ это пагубное заблужденіе; позаботимся о *царствѣ Божіемъ*, которое составляетъ предѣль всѣхъ нашихъ стремленій и *правдъ Божіей*, служащей путемъ для достиженія его. Если мы усильно будемъ искать правды для пріобрѣтенія царства, тогда Богъ, по своему неложному общанію, приложитъ намъ все потребное для этой жизни и увѣнчаетъ славою въ будущей.

Забываясь о царствѣ Божіемъ и правдѣ его, не будемъ страшиться потери земныхъ благъ. Знаемъ ли мы хотя одного чело-вѣка, раззорившагося отъ милостыни? Смогря вообще на вещественныя блага, какъ на приложеніе къ главному благу, вполне зависящее отъ воли Божіей, будемъ увѣрены, что Богъ подастъ ихъ намъ, если онъ будетъ согласоваться съ нашей пользою; въ

противномъ же случаѣ отвратить отъ насъ это опасное обладаніе нами. Итакъ, пользуясь изобиліемъ или терпѣн лнненія—во всякомъ состояніи будемъ благословлять благодѣтельную десницу Божию, устрояющую наше спасеніе, по примѣру совершеннаго образца терпѣнія и покорности воли Божіей *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. I, 21).

П. М.

НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

(Продолженіе).

а) Что касается критики текста молитвы Господней, то славословіе носитъ характеръ позднѣйшаго происхожденія; оно вошло въ составъ молитвы, вѣроятно, уже впоследствии, приспособительно къ литургическому употребленію. Это видно изъ того, что въ const. apost. VII. 24. славословіе содержится въ неслѣдномъ видѣ; оно читается здѣсь такъ: *ибо твое есть царство во вѣки. Аминь*. Содержаніе его, впрочемъ, глубоко и вполне сообразно съ духомъ молитвы. Должно поэтому предпологать, что оно составлено, вѣроятно, въ то время, когда въ церкви господствовало истинно—христіанское чувство. Славословія нѣтъ и въ Codd. V. D. L., равно какъ и во многихъ другихъ ¹⁾. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ въ текстѣ Луки недостаетъ прошеній: *да будетъ воля твоя и на земли, какъ на небеси, и: по избавь насъ отъ лукаваго, т. е. 3 и 7-го. Прошеній этихъ нѣтъ и у нѣкоторыхъ древнихъ христіанскихъ писателей, напр. у Оригена ²⁾, который упоминаетъ о пропускѣ ихъ.*

б) Если такъ, то не поддѣльными въ молитвѣ Господней какъ эти, такъ и *вся* вообще прошенія? Другими словами: молитва Господня есть ли *оригинальное* произведеніе Господа, или же это *компиляция* изъ произведеній раввиновъ и Талмуда? По Шеттгену, Витрингъ и др. у раввиновъ и въ Талмудѣ, действительно, есть очень много предложеній и мыслей, родственныхъ нѣкоторымъ прошеніямъ молитвы Господней ³⁾. По Талюкку и де Ветте, «пользованіе іудейскими молитвами было не достойно Иисуса»;

1) Ср. Комментарій Бунзена.

2) De orat. p. 226. edit. de la Rue. Vol. 11. 1. 11 (4)

3) Ольсгаузенъ, Стр. 223.

напротивъ пренебреженіе ими было бы аффектаціей». Не такъ умѣренно и сдержанно разсуждаетъ объ этомъ Ветштейнъ, который заходитъ слишкомъ далеко, когда говоритъ: *tota haec oratio ex formulis Hebraeorum concinnata est*. Между тѣмъ изъ собранныхъ Lightfoot, Drusius, Witsius и др. всевозможныхъ параллелей изъ самыхъ новѣйшихъ іудейскихъ молитвенниковъ видно, что молитва Господня не есть сборникъ различныхъ стихотвореній: она представляетъ лишь *сходство* съ некоторыми ветхозавѣтными мессіанскими идеями и созвучіе съ некоторыми выраженіями Талмуда и произведеній раввиновъ, каковое явленіе естественно и даже необходимо при единствѣ языка произведеній раввиновъ и молитвы Господней. Ланге въ своемъ сочиненіи «Жизнь Иисуса»⁴⁾ замѣчаетъ при этомъ еще, что сходство молитвы Господней съ іудейскими молитвами выражается а) въ краткости прошеній, б) въ ихъ порядкѣ и послѣдовательности и наконецъ с) въ ихъ заключеніи. Но на основаніи этого сходства никакъ нельзя заключать, будто молитва Господня есть компиляція изъ іудейскихъ молитвъ: заимствованіе было недостойно Богочеловѣка. Отсюда слѣдуетъ только, что въ сочиненіяхъ раввиновъ есть много духовнаго, истиннаго, которое, къ несчастію, переищено раввинами съ грубыми заблужденіями.

с) Молитва Господня раздѣляется, какъ извѣстно, на три части: на призываніе, прошенія и славословіе. Кроме того, прошенія въ свою очередь ученые подраздѣляютъ на двѣ части. *Petita sunt septem*, говоритъ Бенгелъ, *quae universa dividuntur in duas partes, Prior continet tria priora, Patrem spectantia: tum, tuum, tua; posterior quatuor reliqua, nos spectantia*⁵⁾. По Ольсгаузену, молитва Господня, разсматриваемая какъ цѣлое, содержитъ лишь одну мысль—стремленіе къ царству Божію, къ которому направляются всѣ молитвы христіанина. Но мысль эта разсматривается съ двухъ сторонъ: а) со стороны отношенія Бога къ человѣку; такъ въ первыхъ этихъ прошеніяхъ, которыя изображаютъ совершенство царства Божія, представлено абсолютное существо—Богъ какъ высочайшій предметъ желанія; б) со стороны отношенія человѣка къ Богу; такъ въ послѣднихъ четырехъ прошеніяхъ, въ которыхъ изображаются препятствія, встрѣчаемыя вѣрующими на пути къ царству Божію. Отсюда предметъ первой части составляетъ богатство Бога, предметъ второй—бѣдность человѣка. Въ многосодержательномъ славословіи выражается надежда на услыша-

4) 11, 1, Стр. 643.

5) Мейеръ. Стр. 185.

ніе молитвы, которое имѣетъ основаніе въ самомъ существѣ непремѣняемаго Бога. Въмѣстѣ съ этимъ молитва Господня, равнообразно удовлетворяетъ нуждамъ и каждаго человѣка порознь и нуждамъ многихъ, потому что, по самому существу своему, она побуждаетъ вѣрующаго желать и просить сколько для себя самаго, столько же и для ближнихъ вообще, такъ какъ желанія и просьбы, служащія содержаніямъ молитвы Господней, составляютъ предметъ желаній и просьбъ общей и всемъ людямъ вообще, и каждому человѣку въ частности⁶⁾. Молитва, говоритъ де Ветте, выражается въ священномъ седмичномъ числѣ прошеній все измѣненіе религиозно-настроеннаго чувства; въ первыхъ трехъ прошеніяхъ она представляетъ свободный полетъ духа къ Богу; въ слѣдующихъ трехъ — препятствія для этого полета 1) вслѣдствіе зависимости отъ земнаго, 2) вслѣдствіе борьбы со грѣхомъ, — и, наконецъ, въ послѣднемъ — освобожденіе отъ этихъ препятствій. «Въ матеріальномъ отношеніи, говоритъ Мейеръ, за воспареніемъ къ высочайшему и священнѣйшему предмету вѣрующаго слѣдуетъ особенное свойство его (первое прошеніе), желаемый предметъ (второе прошеніе), нравственное условіе молящагося (третье прошеніе), смиренное сознаніе потребности въ божественной милости, — во первыхъ въ матеріальномъ отношеніи (четвертое прошеніе), и во вторыхъ въ нравственномъ и потомъ уже вслѣдствіе прощенія (пятое прошеніе), милости (шестое прошеніе) и освобожденія отъ власти діавола (седьмое прошеніе) можетъ быть посредствуемо осуществленіе того, чѣмъ начинается молитва⁷⁾. Штирль видитъ въ двухъ отдѣлахъ молитвы Господней двѣ скрижали десятизловія. Веберъ представляетъ слѣдующую схему:

Προλογος.	Λογος.	Επιλογος.
	ευχαι.	αιτήματα.
1) Πάτερ.	1) αγιασθήτω το όνομά σου.	1) Οτι σωθήστί η βασιλεία σου.
2) ημών.	2) ελθέτω η βασιλεία σου.	2) οδός σου η δίκαιη.
3) ο εν ταις ουρανοις.	3) γαληθήτω το θέλημά σου.	3) σου εστί η δόξα.

6) Ольсгаузенъ. Стр. 223—224.
7) Стр. 185. см. выноски.

Толюккъ видитъ въ этой схемѣ отношеніе къ Троицѣ. «Раз-
 мышляющій читатель, говоритъ онъ, доходящій другимъ какимъ-
 нибудь путемъ до прозрѣнія въ Троицу, можетъ видѣть отно-
 шеніе къ ней и въ этой схемѣ молитвы. Безъ затрудненія онъ ви-
 едитъ въ первомъ и четвертомъ прошеніи указаніе на Бога Творца
 и Сохранителя, во второмъ и пятомъ — на Бога Спасителя, въ тре-
 тьемъ и шестомъ — на Бога Духа Святаго». «Первому прошенію:
 да святится имя Твое, соответствуетъ прошеніе второй части: хлѣбъ
 нашъ насущный даждь намъ днесь. То и другое относится къ уче-
 нію о Богѣ и промыслѣ Вошемъ вообще. Второму прошенію: да
 придетъ царствіе Твое соответствуютъ слова: и остави намъ долги
 наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Эти прошенія
 относятся къ ученію о Христѣ Спасителѣ. Третьему прошенію: да
 будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли — прошеніе: и не
 введи насъ въ искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго; это отно-
 сится къ ученію объ ангелахъ и злыхъ духахъ. Главное основаніе
 расположенія этихъ прошеній есть ученіе о Богѣ Отцѣ, Сынѣ и
 Св. Духѣ, которое часто служитъ основаніемъ тринчнаго числа въ
 священномъ писаніи. Исполненіе существа Божія святымъ относится
 преимущественно къ Богу Отцу, какъ началу второй и третьей Ипо-
 стаси Святыя Троицы; царство Божіе въ человѣчествѣ открываетъ
 себя посредствомъ Бога Сына, довершеніе свое оно получаетъ въ
 Богѣ Духѣ, въ Которомъ Отецъ и Сынъ управляютъ святою цер-
 ковію и Которымъ воля Божія довршается на землѣ также, какъ
 и на небѣ. Съ другой стороны поддержаніе тѣлесной жизни отно-
 сится къ дѣлу творенія и сохраненія, следовательно преимуще-
 ственно принадлежитъ также Богу Отцу; прошенію грѣховной ви-
 ны преимущественно принадлежитъ Богу Сыну; сохраненіе отъ
 искушенія и зла — Святому Духу»⁸⁾.

Наконецъ, Ланге находитъ внутреннюю связь между семью
 блаженствами и семью прошеніями молитвы Господней и потому
 онъ параллелизуетъ ихъ такимъ образомъ:

- 1) Блаженны нищіе духомъ; ибо
 ихъ есть царствіе небесное. — Да святится имя Твое.
- 2) Блаженны плачущіе, ибо они
 утѣшатся. — Да придетъ царствіе Твое.
- 3) Блаженны кроткіе, ибо они
 наслѣдуютъ землю. — Да будетъ воля Твоя, и на зем-
 ли, какъ на небеси.

8) Вол. Еп. Вѣд. 1871 г. № 17.

- 4) Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся. — Хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на этотъ день.
- 5) Блаженны милостивые, ибо они будутъ помилованы. — И прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ.
- 6) Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ. — И не предай насъ искушенію.
- 7) Блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божіими. — Но избавь насъ отъ лукаваго.

Но это параллелизирование семи прошеній *съ семью блаженствами* ведетъ, какъ справедливо замѣчаетъ Мейеръ ⁹⁾, къ произвольнымъ толкованіямъ и является экзегетическою невозможностію особенно въ третьемъ, четвертомъ и седьмомъ прошеніяхъ.

а. Время произнесенія Молитвы Господней ученые опредѣляютъ различно. По Шлейермахеру, Неандеру, Ольсгаузену и Ветте преимущество первоначальности принадлежитъ Молитвѣ Господней у Луки; Молитва Господня у Матѳея имѣетъ, по имѣнію ихъ, позднѣйшее происхожденіе. По Толюкку и Штиру, Молитва Господня произнесена была два раза: въ первый разъ, т. е. во время произнесенія нагорной проповѣди, Господь сообщалъ молитву народу, какъ примѣръ того, какъ должно молиться, не вдаваясь въ многословіе, въ другой разъ, т. е. послучая просьбы учениковъ научить ихъ молиться ¹⁰⁾, Онъ сообщилъ молитву собственно ученикамъ именно какъ образецъ молитвы. Но, позамѣчанію Ланге, такой способъ преподаванія негармонируетъ съ ходомъ ученія Христова. По этому основываясь на всесторонней ситуациі, съ которою мы уже познакомились при общемъ обзорѣ нагорной проповѣди, Ланге полагаетъ, что просьба учениковъ научить ихъ молиться легко могла совпадать съ моментомъ произнесенія Господомъ нагорной проповѣди, на каковую просьбу Господь отвѣчалъ имъ: *молитесь вы такъ* ¹¹⁾.

9) Стр. 185—186. См. выписку.

10) Лук. 11, 1.

11) Мат. 6, 9.

Какъ же «такъ»? По Гродію, *si sine sensum*, каковое объясненіе Мейеръ находитъ несогласнымъ съ текстомъ¹²⁾. По Фричу, Мальвину, Мальдонагу, Толюку и Мейеру, въ такомъ видѣ, т. е. такъ кратко. По де Ветте, въ такомъ словосодержаніи какъ образецъ молитвы. Молитва Господня, дѣйствительно, образецъ, но образецъ чуждый многословію и формализму, выражающій бѣгнотное подержаніе мыслей въ краткомъ видѣ. И смотря потому, какъ въ этомъ образцѣ совпадаютъ содержаніе и форма, и выраженіе «такъ» должно отнести и къ внутреннему содержанию и къ краткому внѣшнему объему молитвы¹³⁾.

Переходимъ къ частному обозрѣнію молитвы Господней.

Въ *призываніи*: *Отче нашъ*, сущій на небесахъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія слова: «Отче» и «на небесахъ». Въ словѣ «Отче» выражается особенное христіанское чувство нашего родства съ Высочайшимъ Существомъ — Богомъ, чувство, которое основывается съ одной стороны на примиряющемъ словѣ Иисуса Христа, съ другой — на самой примирительной смерти Его. Наименованіе Бога Отцемъ предполагаетъ сознаніе нашего усыновленія Ему, о которомъ ясно говоритъ апостолъ Павелъ¹⁴⁾. Этимъ — то сознаніемъ усыновленія собственно и отличается новозавѣтная молитва вѣрующаго отъ ветхозавѣтной. Конечно, и въ Ветхомъ Завѣтѣ¹⁵⁾, особенно у пророковъ¹⁶⁾ есть указаніе на сыновнее отношеніе чловѣка къ Богу: кі ата аминіу, взываетъ Исаія; но это воззваніе пророка къ Богу какъ Отцу есть только слабый отбѣнокъ высшей новозавѣтной жизни, есть только прозрѣніе его въ свѣтлую идею сыновняго отношенія чловѣка къ Богу въ христіанствѣ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ господствовала вообще идея родства, по которой чловѣкъ относится къ Богу какъ рабъ къ господину¹⁷⁾.

12) Стр. 177—148.

13) Данте. Стр. 83.

14) Рим. 8, 15.

15) Втор. 32, 6. Прем. 14, 3. Сир. 23, 1. Псал. 67, 6.

16) Ис. 63, 16. Іер. 3, 4—19. Мат. 1, 6.

17) Богъ даетъ всемъ людямъ жизнь, испосылаетъ всемъ дары своей благодати. Поэтому и язычники вправѣ называть Его Отцомъ своимъ. У Персовъ Митра назывался отцемъ; у Грековъ Зевсъ и Юпитеръ. Платонъ въ Тимеевѣ говоритъ о божествѣ какъ отцѣ и создателѣ міра. Характеристическая особенность выраженія Иисуса Христа состоитъ въ томъ, что Онъ называетъ Отцемъ вѣчнаго Бога, которому родственны мы по внутреннему существу своему. — *Отче нашъ*. «Господь не говоритъ, пишетъ Златоустъ. Отче мой, иже еси на небесахъ, но Отче нашъ, и этимъ самымъ повелѣваетъ возносить мо-

Слово «на небесахъ» выражаетъ а. воспріеніе благочестивой души христіанина отъ земнаго, преходящаго, къ небесному, вѣчному, непреходящему—къ самому Богу Отцу; б. оно означаетъ жилище величія Божія¹⁸⁾ въ новозавѣтномъ неограниченномъ смыслѣ, потому что призываніе гласитъ: Отецъ, суущій на Небесахъ, а не на небѣ; наконецъ в. оно служитъ символическою противоположностію между неизмѣняемостью, неизмѣримою, чистотою и возвышенностію небесной области и между ограниченностію и измѣняемостію земной.

Слѣдующее за призываніемъ *первое* прошеніе молитвы Господней: да святится имя Твое находится въ тѣсной связи со вторымъ и третьимъ. *Αγιάζεσαι*, употребленное не святомъ, значитъ дѣлать святымъ; употребленное же о святомъ оно значитъ быть призваннымъ святымъ. Въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ оно выражаетъ идею распространенія законнаго богопочитанія. Въ этомъ прошеніи, какъ справедливо замѣчаетъ Августинъ, разумѣется внутреннее священіе имени Божія, а не вишнее; такъ что прошеніе это можно выразить въ такой формѣ: да святится имя Твое въ насъ. Познаніе святаго предполагаетъ внутреннюю святость въ познающемъ, потому что только родственное можетъ познавать родственное; значеніе *αγιάζεσαι* разное здѣсь значенію *δοξάζεσαι* на іоанновскомъ языкѣ¹⁹⁾, въ смыслѣ быть прославленному. Божественное имя *δοξα*, *sehem* стоитъ здѣсь вмѣсто самаго божественнаго существа. Слѣдовательно божественное имя должно проявляться въ человѣчскомъ; и когда оно дѣлается известнымъ человѣку, въ его истинной природѣ, тогда приходитъ царство Божіе.

Молитва за весь родъ человѣчскій и никогда не имѣти въ виду собственныхъ выгодъ, но всегда стараться и выгодахъ ближнихъ. А тѣмъ образомъ вражду уничтожаетъ, и гордость низлагаетъ и зависть истребляетъ, и вводитъ любовь, мать всего добра, уничтожаетъ неравенство дѣлъ человѣческихъ и показываетъ великое равенчестіе между царемъ и бѣднымъ; такъ какъ въ дѣлахъ высочайшихъ и необходимѣйшихъ мы всѣ имѣемъ равное участіе. Ибо какой вредъ отъ низкаго родства, когда по небесному родству мы всѣ соединены и никто ничего не имѣетъ болѣе другаго, ни богатый болѣе бѣднаго, ни господинъ болѣе раба, ни начальникъ болѣе подчиненнаго, ни царь болѣе воина, ни философъ болѣе варваръ, ни мудрый болѣе невѣжды? Ибо Богъ, удостоившій, всѣхъ одинаково называть себя Отцемъ, чрезъ это, всѣмъ даровалъ одно благородство» (Злат. Стр. 401—402).

18) Ис. 66, 1. Дѣян. Ап. 7, 55—56 и др.

19) Іоан. 13, 31. 14, 13. 15, 8 и др.

Второе прошеніе: да придетъ царствіе твое²⁰⁾, въ которомъ выражается *внутренно* дѣйствующее божественное, предполагаетъ первое, въ которомъ божественное является *наружно*. Иисусъ Христосъ благовѣствуетъ о царствѣ небесномъ; вѣрующіе должны стремиться къ нему. Вѣрное понятіе царства Божія лучше всего опредѣляется противоположеніемъ ему символически — вѣократическаго царства Божія и царства тьмы. Другія опредѣленія, какъ то: распространеніе христіанства, побѣдоносное развитіе христіанскаго общества и пр. — только отдѣльные моменты: и поюстороннее и потюстороннее царства Божія соединяются во едино въ духовной сущности его.

Въ **третьемъ** прошеніи: да будетъ воля Твоя и на земли, какъ на небеси, изображается совершенство царства Божія, выражающееся въ неограниченномъ исполненіи воли Божіей. Отсюда первыя три прошенія относятся между собою какъ начало, середина и конецъ. Слова: и на земли, какъ на небеси, означаютъ безусловное исполненіе воли Божіей, свойственное небесному и небожителямъ — ангеламъ; но оно должно быть присуще и земному.

Въ **четвертомъ** прошеніи: хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день, выражающемъ, по словамъ Ольсгаузена, подобно прочимъ прошеніямъ второй части молитвы Господней, «субъективное отдаленіе челоѵка отъ царства Божія и степени приближенія къ нему», составляетъ спорный пунктъ прежде всего слово «хлѣбъ». По Ольсгаузену, хлѣбъ означаетъ здѣсь духовную пищу духовнаго челоѵка, на что указываетъ а. связь: прошеніе о хлѣбѣ стоитъ въ ряду свѣтлыхъ, чисто духовныхъ прошеній, составляющихъ содержаніе всей молитвы, и предполагаетъ духовно настроеннаго челоѵка; б. мѣсто б, 25 Мат.; гдѣ забота о тѣлѣ поставлена на второй планъ; и наконецъ с. слово «насущный», указывающее на духовную пищу. Въ подтвержденіе своей мысли Ольсгаузенъ указываетъ еще на 4, 4 Мат.; 6, 32—41—48—49—51 Іоан.²¹⁾

Что прошеніе духовной пищи должно стоять на первомъ планѣ въ ряду многоразличныхъ просьбъ христіанина, это совершен-

20) Молитва о скорѣйшемъ наступленіи царства Мессіи была самою вадушевною молитвою Іудеевъ, особенно послѣ Вавилонскаго плѣна. «Пусть царствуетъ царство твое; пусть скорѣе придетъ искупленіе, молились они (Мейеръ. Ср. Лук. 2, 25. 17, 20. Мар. 15, 43. Лук. 22, 18. 23, 51. 2 Тим. 4, 8).

21) Стр. 225.

по справедливо. Но, съ другой стороны, разумѣть подъ хлѣбомъ исключительно духовную пищу было бы, по нашему мнѣнію, дѣломъ слишкомъ одностороннимъ. Молящійся — чего не отрицаетъ и самъ Ольсгаузенъ — долженъ начинать съ низшаго, его физической экзистенціи, и восходить къ высшему. Въ просьбѣ хлѣба выражается чувство совершенной зависимости человѣка отъ Бога и въ физическомъ бытіи, какъ условиіи всей духовной жизни его на землѣ, зависимости, побуждающей вѣрующаго съ упованіемъ просить и съ благодарностію получать отъ Бога все ежедневно необходимое. Если такъ, то въ силу взаимодѣйствія между духомъ и тѣломъ, по которому жизнь перваго на землѣ условливается жизнью послѣдняго, христіанину нисколько не предосудительно просить у Бога вмѣстѣ съ духовною пищею и пищи вещественной для поддержанія тѣлесной природы его, условливающей существованіе духа на землѣ. По нашему мнѣнію, просьба христіанина о хлѣбѣ воистиннѣ гармонируетъ съ чувственно — духовною природою человѣка, и выключать ее изъ ряда просьбъ было бы анахронизмомъ.

Выраженію ἐπιβωσιος ²²⁾ придаютъ различныя выраженія. Оригенъ ²³⁾ принимаетъ ἐπιβωσιος за необходимую для субсистенціи βωσις пищу. По Мейеру, оно означаетъ не субсистенцію, а самую сущность ²⁴⁾ Иеронимъ и Цвингли, производя ἐπιβωσιος отъ βωσις, обнимаютъ его въ смыслѣ substantialis, supersubstantialis. Epiusion, hoc, говорятъ они, est supersubstantialem petamus, plus de animae cibo, quam corporis solliciti ²⁵⁾ По Ольсгаузену, Eπιβωσιος, понимаемое въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, точнѣе опредѣляетъ понятие хлѣба. «Какъ духъ въ себѣ есть истинная сущность, такъ и хлѣбъ духа — существенный хлѣбъ жизни, вмѣстѣ съ которымъ тѣлесный дается самъ собою; потому что кого Богъ питаетъ духовно, того, естественно, Онъ питаетъ и тѣлесно ²⁶⁾. Такъ. Но вѣдь здѣсь рѣчь не о непосредственно духовномъ хлѣбѣ, но о ежедневномъ хлѣбѣ, только не объ абстрактномъ — соматическомъ хлѣбѣ, а чувственной стороны человѣка. Человѣкъ нуждается въ человѣческомъ, христіанинъ въ христіанскомъ хлѣбѣ не какъ въ сверхъсущественномъ, но какъ въ сообразномъ съ его существомъ. И сicutъ относится прежде всего духовная пища. Другіе производятъ ἐπιβωσιος

- 22) Находящемуся еще у Луки 11, 3, и болѣе цит. (25)
 23) Оригенъ De orat. р. 94. рассматриваетъ ἐπιβωσιος какъ образованное самимъ евангелистомъ, не доказывая этимологіи.
 24) Стр. 181.
 25) Данге. Стр. 184.
 26) Ольсгаузенъ. Стр. 226.

плодами, и особенно надъ виноградомъ — (гроздіемъ). Благословеніе сего послѣдняго въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ и требникахъ положено въ 6 день августа мѣсяца, и въ этотъ день и читается молитва. Но благоразумно ли поступаютъ нѣкоторые священно служители, читая молитву, положенную на благословеніе винограда, надъ яблоками, грушами, сливами и другими плодами? Нѣтъ, не благоразумно. Въ молитвѣ благословляется виноградъ, и это благословеніе имѣетъ высокое значеніе. Въ миней мѣсячной, въ службѣ на 6 августа, молитва эта слѣдующая: „Боже, Спасителю нашъ, благоволивый виноградъ нареши единороднаго твоего Сына, Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и тѣмъ плодъ безсмертія намъ даровавый, самъ и нынѣ плодъ сей — виноградъ благослови, и насъ рабы твоя, вкушающія отъ него, истиннаго винограда причастниками сотвори“ и проч. Въ большомъ же и маломъ требникахъ эта молитва читается такъ „Благослови Господи плодъ сей лозный новый. (иже) благораствореніемъ воздушнымъ, и каплями дождевыми, и тишиною временною въ сей зрѣлѣйшій прити часъ благоволивый, да будетъ въ насъ, отъ того рожденія лознаго причащающихся, въ веселіе и приносить тебѣ даръ во очищеніе грѣховъ, священнымъ и святымъ тѣломъ Христа твоего, съ нимъ же благословенъ еси“ и проч. Въ молитвѣ, находящейся въ миней, благословляется одинъ виноградъ, и испрашивается у Бога для вкушающихъ винограда *содѣланіе ихъ причастниками винограда истиннаго*; въ молитвѣ, номѣщенной въ требникахъ, это послѣднее выражается еще конче: да будетъ въ насъ отъ того рожденія лознаго причащающихся, въ веселіе, и *приности тебѣ даръ во очищеніе грѣховъ, священнымъ и святымъ тѣломъ Христа твоего*. Такимъ образомъ виноградъ благословляется и какъ новосозрѣвшій плодъ, и какъ имѣющій особое значеніе быть веществомъ, необходимымъ для приношенія безкровной жертвы. Но благословляемые у насъ плоды ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить веществомъ для совершенія таинства святаго причащенія. Поэтому странно слышать тумолитву, которая на можетъ быть приложима къ освящаемымъ плодамъ по своему содержанію. Странно слышать и потому еще, что въ малыхъ требникахъ сдѣлано замѣчаніе, что въ нашей странѣ (Россіи), такъ какъ за исключеніемъ самаго юга ея, виноградъ не произрастаетъ, приносятся въ церковь въ этотъ день яблоки на благословеніе и надъ ними положено читать молитву на благословеніе начаткомъ овощей.

Намъ пришлось слышать недавно отъ одного изъ священно служителей, что въ этотъ же день благословляется и освящается

новосозрѣвшая пшеница, и потому выраженіе молитвы: *приносити* тѣбѣ даръ во очищеніи твоемъ священный и святыи твоеи Христе твоего приложимо къ благословію послѣдней. Вполнѣ справедливо, но и при этомъ лучше читать общую молитву на благословіе начатокъ овощей, чѣмъ читать молитву, имѣющую отношеніе къ одному предмету и не имѣющую никакого къ другимъ.

(Рязан. Еп. Влд.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ОЛДУЮЩІЯ КНИГИ

ИЗДАНІЯ

УЧРЕЖДЕННОЙ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВѢЛЕНІЮ

Г. МИНИСТРОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПОСТОЯННОЙ КОМИССІИ

ПО УСТРОЙСТВУ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ И ЕГО
ОКРЕСТНОСТЯХЪ:

Слава на землѣ Господа нашего Иисуса Христа

Свящ. С. И. Опатовича. Съ 5 раскрашен. картинами, ц. 10 к.

Чему училъ людей Господь нашъ Иисусъ Хри-

стосъ—Свящ. С. И. Опатовича. Съ 5 раскрашен. кар-
тинами, ц. 10 к.

Уничженіе на землѣ Господа нашего Иисуса

Христа—Свящ. С. И. Опатовича. Съ 5 раскрашен. кар-
тинами, ц. 10 к.

Жизнь Божіей Матери. Праздники въ честь Ея: Рож-

дество Богородицы, Введеніе во Храмъ, Благовѣщеніе,

Успеніе, Покровъ Ея и праздники въ честь Ея иконъ:

Владимирской, Смоленской, Знаменія (Новгородской), Тих-

винской, Казанской и Всѣхъ скорбящихъ Радость—Свящ.

М. И. Соколова. Съ 7 раскрашен. картинами, ц. 15 к.

Жизнь Святого Николая Чудотворца (въ связи съ церковными событіями его времени) Свящ. М. И. Соколова.)

Съ 10 раскрашен. картинами, ц. 15 к.

Владимиръ Свѣтой и Равноапостольный—С. М.)

Съ 10 раскрашен. картинами, ц. 10 к.

О Богослуженіи Православной Церкви: Всесо-

ное бдѣніе и Божественная Литургія: проскомидія, литургія оглашенныхъ и вѣрвыхъ—Свящ. М. И. Соколова. Съ 8

раскрашен. картинами, ц. 20 к.

Первыя вѣка христіанства и распространеніе

его на Руси—Свящ. С. И. Опатовича. Съ 15 раскра-

шенными картинами, ц. 25 к.

Святые мѣста земли Русской:

1. Соловецкій Монастырь—С. Максимова. Съ 10 раскрашен.

картинами, ц. 15 к.

2. Троицко Сергіевская Лавра—С. М. Съ 10 раскрашен.

картинами, ц. 15 к.

3. Святые Кіева—Свящ. С. И. Опатовича. Съ 8 раскрашен.

картинами, ц. 15 к.

Булиновская битва—С. Е. Рождественскаго. Съ 8 рас-

крашен. картинами, ц. 15 к.

Князь Михаилъ Тверской и татарскій погромъ

—В. О. Михневича. Съ 6 раскрашен. картинами, ц. 10 к.

Смутное время на Руси:

1) Царевичъ Дмитрій и борьба Годуновъ—В. О. Михне-

вича. Съ 5 раскрашен. картинами, ц. 10 к.

2. Самоубійца—В. О. Михневича. Съ 5 раскрашен.

картинами, ц. 10 к.

3. Водареніе Романовыхъ В. О. Михневича. Съ 5 рас-

крашен. картинами, ц. 10 к.

О Петрѣ Великомъ: I. Молодость Петра Великаго—какъ

и чему онъ учился. II. Какъ онъ добылъ море и создалъ

Русскій флотъ—С. Рождественскаго. Съ 12 раскрашен.

картинами, ц. 20 к.

Чему училъ Петръ Великій народъ свой—С. М.

Съ 10 раскрашен. картинами, ц. 15 к.

Подвигъ Новгородскаго купца Иголкина—В. О.

Михневича. Съ 4 раскрашенными картинами, ц. 10 к.

О томъ, какъ Екатерина II, Великая, правила

землей Русской.—С. М. съ 10 раскрашен. карти-

нами, ц. 15 к.

А. В. Суворовъ.—С. Е. Рождественскаго. Съ 8 раскрашен.

картинами, ц. 15 к.

Александръ I, Благословенный—Съ 10 раскрашен.

- картинами, ц. 20 к.
- Отечественная война (1812 г.) **Бородино**—В. О. Михневича. Съ 8 раскрашен. картинами, ц. 15 к.
- Отечественная война (1812 г.) **Взятие Французовъ**—В. О. Михневича (Съ 7 раскрашен. картинами, ц. 15 к.
- Новая славная доблесть Русскаго воинства: **Походъ въ Хиу и ея покореніе**. Съ 10 раскрашен. картинами, ц. 20 к.
- Рассказы о себастопольцахъ**—А. Н. Супонева. Съ 10 раскрашен. картинами, ц. 20 к.
- М. В. Демосеевъ**—А. Г. Филонова. Съ 4 раскрашен. картинами, ц. 10 к.
- Дядушка Крыловъ и его басни**—А. Г. Филонова. Съ 10 раскрашен. картинами, ц. 15 к.
- А. В. Калыцовъ и его пьесы**—М. Парунова. Съ 4 раскрашен. картинами, ц. 10 к.
- Какъ да выгнать наше тѣло**—Г. О. Алтеева. Съ 2 раскрашен. картинами, ц. 15 к.
- Какъ разводить деньги и какъ увеличить сборы съ разныхъ поѣздовъ**—Н. Н. Каванскаго. Съ 4 раскрашен. картинами, ц. 10 к.
- Чай: откуда онъ идетъ и какъ намъ имъ полезенъ**—Е. Рейбота. Съ 6 раскрашен. картинами, ц. 15 к.
- Извѣщеніе** изданія Комиссіи народныхъ чтеній, одобренны Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, рекомендованы Г. Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ для судовыхъ матросскихъ библиотекъ, и Военно-Ученымъ Комитетомъ—всѣмъ войскамъ.
- Продаются въ книжномъ магазинѣ** при Канцеляріи С. Петербургскаго Градоначальника по Большой Морской д. № 40. Покупателямъ 100 и болѣе экземпляровъ каждаго званія дѣлается уступка 20% съ рубля.
- Иногороднимъ покупателямъ прилагаютъ на пересылку, считая отъ 1 до 5 экз. за одинъ фунтъ и отъ 5 до 10 за два фунта, и т. д.
- Склады изданій Комиссіи открыты:
- Въ Москвѣ**, въ книжныхъ магазинахъ: „Общества распространенія полезныхъ книгъ“, Братевъ Салаевыхъ, А. И. Манухина и др.
- Въ Кіевѣ**—при Редакціи „Кіевского Народнаго Календаря“.
- Въ Саратовѣ**—при складѣ „Общества распространенія полезныхъ книгъ“.

Въ **Харьковѣ** при книжномъ складѣ „Общества грамотности“.

Въ **Казани** — у книгопродавца А. А. Дубровина.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАВАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1875 году.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Синода, при кievской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1875 году и начнетъ съ 1-го января свой шестнадцатый годъ.

Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль способствовать приходскимъ пастырямъ въ нихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поэтому и въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же на правленіи, какихъ держался до сихъ поръ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемъ отъ полутора до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35-ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна на мѣсяць 4 руб., а пересылкою во все мѣста Россійской имперіи 5 руб. серебромъ. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благотворительныхъ обществъ, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1875 года.

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ

„ДРУХЪ НАРОДА“

О ПРОДОЛЖЕНІИ ПЕЧАТАНІЯ

(НА 1875 ГОДЪ (ГОДЪ ВОСЬМОЙ)).

Содержаніе: правительственныя распоряженія; историческія свѣдѣнія о русской народной школѣ; рассказы изъ русской и заграничной жизни; статьи по разнымъ отраслямъ знанія; общепользныя свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ промышленности и народнаго хозяйства; извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ; отечественное и иностранное обозрѣніе.

Цѣна за годовое изданіе въ сорокъ восемь печатныхъ листовъ ТРИ РУБЛЯ съ пересылкою; для народныхъ школъ, сельскихъ учителей и сельскихъ священниковъ ДВА РУБЛЯ съ пересылкою.

ПОДПИСКА НА 1875 ГОДЪ

и

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

НОВОСТИ, какъ ежедневное изданіе, при своей незначительной цѣнѣ, представляютъ самый разнообразный и интересный матерьялъ для чтенія, одинаково удовлетворяющій потребностямъ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ читателей.

НОВОСТИ, выходящія ежедневно, не исключая праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней, полными листами, въ каждомъ номерѣ доставляютъ читателю самыя точныя свѣдѣнія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ общественной жизни, а также самыя интересныя факты изъ отечественной и заграничной жизни.

НОВОСТИ, даютъ ежедневно фельетонъ, въ который входятъ разказы, очерки повѣсти, романы и стихотворенія. Фельетоны „Новостей“, по разнообразію своихъ сюжетовъ, по живости и строгому выбору, доставляютъ пріятное развлеченіе читателямъ всѣхъ классовъ и возрастовъ.

НОВОСТИ, кромѣ множества помѣщенныхъ въ нихъ разказовъ, приступили въ последнее время къ печатанію обширнаго русскаго романа изъ американской жизни Николая Муромскаго (псевдонимъ) — **Въ Новомъ Свѣтѣ**.

Интересъ, возбужденный этимъ романомъ, въ которомъ въ первый разъ въ русской печати появляется изображеніе, въ талантливомъ и живомъ разказѣ, внутренней стороны американской жизни, побудилъ автора приступить къ составленію втораго тома его романа, который мы **НАДЪЕМСЯ** напечатать въ теченіе будущаго года.

НОВОСТИ, постоянно улучшались во всѣхъ отношеніяхъ, представляя въ теченіе наступающаго 1875 года еще большій интересъ чѣмъ тотъ, который имъ удалось возбудить въ короткое время, съ переходомъ газеты къ новымъ издателямъ и редактору, употребляющимъ всѣ средства и усилія къ усовершенствованію своей газеты.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ **С. Петербургѣ**, въ Главной Конторѣ (Офицерская и Фонарный, д. № 7—14) и въ Книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, Невскій пр., д. Ольгина. Въ **Москвѣ**: на Тверской, Малый Пятницковскій пер. „домъ Пѣгова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: Съ доставкой: Съ пересылкой:

На 12 м.   Р. к.   Р. к.   Р. к.
   7 —   8 —   9 —

Отъ Правленія Воронежскаго духовнаго училища.

Высланныя о.о. Благочинными на содержаніе Воронежскаго духовнаго училища во второй половинѣ 1874 года деньги: священникъ Порфирій Кошелевъ — 154 р. 93 к., священникъ Антоній Петровскій — 45 р. 89 к., священникъ Алексѣй Петровскій — 133 руб. 85 к., прот. Петръ Ивановъ — 174 р. 18 к., священникъ Іоаннъ Шовскій — 208 р. 48 к., прот. Димитрій Адамовъ — 215 р. 26 к., священникъ Петръ Михайловскій — 217 р. 23 к., священникъ Захарій Богомоловъ — 15 р. 25 к., священникъ Николаемъ Ермолаевъ — 239 р. 09 к., священникъ Іоаннъ Часовниковъ — 206 р. 90 к., священникъ Николаемъ Голубятниковъ — 189 р. 63 к., священникъ Михайломъ Долгополовымъ — 254 р. 61 к., прот. Іоаннъ Мясичевъ — 138 р. 90 к., прот. Андрей Христовскій — 44 р. 72 к., священникъ Александръ Чубинскій — 146 р. 3 к., священникъ ключаремъ Іоаннъ Адамовъ — 162 р. 43 к., прот. Асеногомъ Перцовъ — 15 р. 71 в., священникъ Адріаномъ Макаровскімъ — 286 р. 70 в., священникъ Филиппомъ Богомоловымъ — 102 р. в., священникъ Іоаннъ Тубиннымъ — 236 р. 54 в. и священникъ Андреемъ Александровымъ — 203 р. 71 в.

Правленіемъ училища получены о.о. Благочинныхъ: прот. Михаилъ Свирибінъ, прот. Елисея Владимірова, про. Іоанна Хрущева, священникъ Іоанна Марковскаго, священникъ Алексѣя Захарова, священникъ Георгія Соколова и священникъ Агаѳопода Лукашевичъ, доселѣ невыславшихъ денегъ на содержаніе училища во второй половинѣ 1874 года. Правленіе училища проситъ выслать оныя въ самомъ непродолжительномъ времени.

А Н Д Р А К С И Д О П

Редакторы: (Прот. **В. Никоновъ.**)
(Свящ. **І. Адамовъ.**)

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и священникъ **П. Палицынъ.**
Декабря 14-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи **Н. Д. Гольдштейнъ.**